

Подъ редакціей Л. Г. Мунштейна (Lolo).

РАМПА и ЖИЗНЬ

№ 15 (28)

1909.

Г-жа Режанъ.

(Въ пьесѣ Катюля Мендеса „Императрица“).

МОСКВА

Санкт-Петербургская

театральная

Воскресенье 12-го іюля 1909 г.

sptl.spb.ru

Цѣна отд. № 15 коп.

Свѣтлой памяти Чехова.

(Изъ моихъ воспоминаній).

„Во мнѣ — коховскія запятія“...

Эти четыре слова онъ сказалъ мимоходомъ. Такъ, къ слову молвилось. Только для объясненія, почему онъ спѣшитъ взяться за дѣло.

Дѣло это — новая газета.

— Надо скорѣе торопиться!

— Торопиться лѣчиться? — хотѣлось спросить. Оказывается, не то: пока еще есть силы, надо не отлагая браться за дѣло.

— Съ Гольцевымъ будемъ издавать газету. Первое время мѣсяца три, каждый день буду въ ней фельетоны писать. Въ каждомъ номерѣ.

Вотъ и все. Очень просто. Такъ просто возвѣстилъ онъ намъ эту страшную новость, заставляя насъ при этомъ все свое вниманіе обратить на дѣловую сторону разговора, — на проектъ его будущей газеты, что мы — насъ было трое, четверо, — мы даже не успѣли вникнуть въ весь страшный, роковой смыслъ, который таился за этими четырьмя словами, страшно простыми. Да, страшно:

— „Во мнѣ — коховскія запятія“.

* * *

Потомъ, послѣ этихъ мечтаній его вслухъ, мы, конечно, опомнились, догадались объ ужасномъ значеніи роковой новости. Но и то сказать: спокойствіе его тона, какъ-то незамѣтно передалось намъ. И я только спустя много лѣтъ почувствовалъ со всей остротой,

какое событіе въ жизни и самого Чехова и родной литературы, — какое скорбное событіе заключалось въ зарожденіи убійственной болѣзни Антона Павловича.

* * *

Мечта о газетѣ никогда его не покидала. По крайней мѣрѣ, въ послѣднія 10 лѣтъ его жизни.

— И именно — дешевая газета. 4 рубля въ годъ. Такая газета необходима.

— Народная?

— Что значитъ народная? Мы всѣ народъ. Не народная, а доступная для всѣхъ: и для крестьянина, и для тайнаго совѣтника, — для кого угодно. Вотъ образецъ: „Журналъ для всѣхъ“. Прекрасно ведется. Всѣ его читаютъ. Вотъ это въ самомъ дѣлѣ народный журналъ. А специфически народнаго журнала не должно быть. Я тоже вѣдь изъ народа, если хотите мой дѣдъ вѣдь — простой крестьянинъ. А, между тѣмъ специфическаго „народнаго“ журнала читать не стану.

* * *

— Онъ сознавалъ въ себѣ силу таланта, власть имущаго. И потому судилъ о литературѣ съ увѣренностью и спокойствіемъ авторитетнаго чловѣка. Словно это Пушкинскій баронъ:

„Я знаю мощь мою. Съ меня довольно
Сего сознанія“...

Въ такомъ родѣ мнѣніе циркулируетъ у насъ въ литературныхъ сферахъ. Его только-что высказалъ между прочимъ уважаемый П. А. Сергѣенко въ „Русск. Словѣ“. Но я лично изъ встрѣчъ съ нимъ выносилъ, признаюсь, иного рода наблюденія.

Я съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что Чеховъ былъ необычайно скромныхъ взглядовъ и на свой талантъ и на значеніе своей дѣятельности. Въ тотъ періодъ, когда онъ уже былъ писателемъ съ большимъ именемъ, уже давно сотрудничалъ въ толстыхъ журналахъ, и признанъ былъ всѣми критиками, какъ крупная сила, онъ все еще сомнѣвался и въ своей славѣ и въ своихъ дарованіяхъ. Даже въ послѣдніе годы своей жизни — годы зенита его славы, онъ не былъ увѣренъ, знаютъ ли его,

помнить ли, читают ли въ широкихъ кругахъ, хотя это было не только несомнѣннымъ, но и очевиднымъ, казалось бы, для него самого фактомъ: оваціи, стоны и крики энтузіазма въ переполненномъ залѣ Художественнаго театра, — все это онъ вѣдь самъ и видѣлъ и слышалъ, — и все-таки... И все-таки: „забыла меня публика; гдѣ-жъ тамъ вспомнить, я такъ далеко, въ Крыму“...

Сестра его, Марья Павловна, когда я былъ въ московской квартирѣ Чеховыхъ, говорила мнѣ, узнавъ, что я собираюсь писать ему письмо:

— Скажите ему о вчерашнемъ успѣхѣ его въ театрѣ; вѣдь онъ вѣчно думаетъ, что его не знаютъ, что онъ совсѣмъ не пользуется такимъ успѣхомъ, какой былъ, напримѣръ, вчера, какъ и при каждомъ представленіи его пьесъ.

* * *

Онъ горячо благодарилъ каждаго, кто оказывалъ ему должное, именно должное вниманіе. Читаетъ

Лѣтніе досуги артистовъ.

Шаржъ Andr'a.

А. П. Вишневскій (въ Кисловодскѣ): — *Вѣдь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствія...*

чтець - декламаторъ публично какой-нибудь его рассказъ. Чеховъ крѣпко жметъ его руку:

— Спасибо, большое вамъ спасибо!

— За что, Антонъ Павловичъ? Вѣдь, благодаря вашему талантливому рассказу, я такъ встрѣченъ публикой.

— Какъ, за что? Вы содѣйствуете моей славѣ.

Это — фактъ... Онъ серьезно, не шутя, это говорилъ. Онъ такъ думалъ. Онъ такъ былъ скромнень, что не вѣрилъ тому, что видѣлъ. Или, вѣрнѣе сказать; и вѣрилъ и не вѣрилъ вновь. Онъ ужъ искренно могъ себѣ сказать поговоркой:

— Я и видѣлъ — не видалъ; я и слышалъ — не слыхалъ.

* * *

Тотъ же Сергѣенко говоритъ, что гдѣ бы ни появился Антонъ Павловичъ, вездѣ онъ сразу же невольно занималъ первенствующее мѣсто. Я бы напомнилъ дорогому товарищу, какъ мы были съ нимъ на дачѣ у барышни, служившей при редакціи „Дѣт-

скаго Чтенія“. Въ тѣсной компаніи литературной братіи, было насъ человекъ 5—6. Всѣ говорили. Всѣ были замѣтны: Потапенко, Сергѣенко и др. Говорили, между прочимъ, по вопросу, въ которомъ Чеховъ несомнѣнно былъ всѣхъ компетентнѣе: о литературномъ языкѣ, о тѣхъ шаблонахъ писательскаго стиля, которыхъ надо избѣгать. Молчалъ одинъ Чеховъ. И весь вечеръ онъ одинъ, должно быть, и молчалъ.

Тоже, помню, у Гольцева на журъ-фиксѣ. Сядетъ гдѣ-нибудь въ уголокъ и послушиваетъ, что люди говорятъ. Это была застѣнчивость, присущая всему роду Чеховыхъ, — милыхъ, добрыхъ, непритязательныхъ людей.

Я помню, одна крупная дѣятельница - благотворительница державшая, что называется, литературный салонъ, говорила послѣ встрѣчи съ нимъ у себя на вечерѣ:

— Фу, какой неинтересный человекъ! Слова не проронить. Или скажетъ что-нибудь такое неинтересное.

Развертывался онъ рѣдко. Когда былъ въ ударѣ. И то, бывало, развернется — и опять спрячется въ свою нору, — замкнется въ самого себя.

* * *

А газету ему не пришлось издавать. На чрезвычайно серьезномъ основаніи: на основаніи чрезвычайной охраны... Умѣренно-либеральный Гольцевъ считался опаснѣйшимъ революціонеромъ, и въ разрѣшеніи газеты отказали.

Думалъ-было онъ приобрести для сестры еженедѣльный журналъ. Помнится — „Вокругъ Свѣта“. Но и это не удалось. Ужъ не знаю почему.

* * *

А любопытно было бы видѣть его издателемъ. Всю жизнь онъ работалъ для другихъ, на издателей, а заработалъ, по сравненію со своей славой и своимъ гениемъ, очень немного:

— Марксъ купилъ мои сочиненія за чечевичную похлебку, — съ горечью писалъ онъ мнѣ какъ-то.

Такихъ бѣшенныхъ денегъ, какія получаютъ теперь, никогда онъ не получалъ: 400—500 рублей — вотъ гонораръ его въ годы великой славы.

* * *

И онъ довольствовался такимъ, сравнительно скромнымъ, гонораромъ. Главныя тому причины — не только безкорыстіе, но и та самая скромность, о которой я только-что говорилъ.

Въ своемъ рассказѣ „Драма“ онъ выставилъ писателя, которому дама читаетъ свою скучную пьесу. Мучительно было ему слушать ее: онъ любилъ читать только свои сочиненія, больше — ничьи. А Чеховъ, наоборотъ, былъ совсѣмъ другой человекъ, своихъ вещей не любилъ читать. Какъ будто бы даже понятія о нихъ не имѣлъ. Забылъ совсѣмъ.

Говоришь ему:

— Вотъ я прочелъ третьяго дня вашъ рассказъ „Канитель“.

— Какая „Канитель“? Что такое? — спрашиваетъ Чеховъ съ большимъ, сумрачнымъ и усталымъ видомъ: это было въ періодъ его умиранія.

Начинаешь ему напоминать содержаніе чуднаго рассказа. Онъ принимается слушать внимательно, съ сосредоточенной серьезностью. Видимо, основательно позабылъ его. Словно онъ въ первый разъ его слышитъ. Словно авторъ — не онъ. Рассказъ понемногу захватываетъ этого страннаго слушателя — слушателя-автора, не увѣреннаго въ томъ, что именно онъ — авторъ этой вещи.

Рассказъ начинаетъ нравиться автору. Онъ улы-

бается. Онъ хохочетъ. Лицо, уже давно полумертвое, — оживляется, яснѣетъ, молодѣетъ. Чеховъ, наконецъ, сразу преобразился, принявъ здоровый, бодрый видъ. Уже не сидитъ въ креслѣ, осунувшись, со стаканомъ мокроты въ рукѣ. Встаетъ. Прохаживается. Провожаетъ до передней. И тамъ весело разговариваетъ о разныхъ пустякахъ:

— Здоровы ли? Какъ у васъ дома? и т. п.

* * *

Въ обществѣ молчаливый, въ бесѣдѣ глазъ-на-глазъ, самое большее — втроемъ, онъ былъ иногда очень оживленъ. Особенно, когда его что-нибудь взволнуетъ.

Пріѣзжаю я къ нему. Сидитъ И. Д. Сытинъ. Чеховъ бросаетъ все и сразу на меня набрасывается:

— Хороши вы, батюшка, нечего сказать! Затравили человѣка!

— Кого затравили? Что вы, Антонъ Павловичъ, Господь съ вами!

— Да! Затравили. Кричите о свободѣ слова, а Иванова, Ивана Ивановича, чуть не задушили за его свободное слово о Писаревѣ. Говори все такъ, какъ вамъ нравится! Цензуруете не хуже чиновниковъ чужія самостоятельныя мнѣнія. Какъ же-съ! Обязательно хвали Писарева, иначе казнятъ тебя. Затравили совсѣмъ бѣднаго Ивана Ивановича.

Говорилъ онъ это сердито задыхаясь.

— Да я-то тутъ при чемъ, голубчикъ, Антонъ Павловичъ! Не повиненъ ни въ одной строкѣ противъ Ивана Ивановича.

— Э, все равно, всѣ журналисты — на одинъ покрой. Пляши обязательно по вашей дудкѣ.

* * *

Эта защита Иванова была особенно трогательна. Ивановъ былъ одинъ изъ тѣхъ судей-членовъ театральнаго комитета при Императорскомъ Маломъ театрѣ, которые забраковали Чеховскую пьесу. Забраковали за ея оригинальность. Потребовали поправокъ въ ихъ духѣ. Чеховъ, конечно, отказался отъ такого посягательства на собственное „я“. Чеховъ обидѣлся. Должно быть, дня два-три такъ же ходилъ самъ не по себѣ, какъ Тригоринъ въ его „Чайкѣ“. А потомъ... Потомъ простилъ, забылъ и, наконецъ, даже сталъ вступаться за своего обидчика, когда онъ попалъ самъ въ обиженные.

Иванова страшно травили за его горячія, рѣзкія статьи о знаменитомъ нашемъ критикѣ Д. И. Писаревѣ, которыя онъ помѣщалъ въ „Мирѣ Божьемъ“. За нихъ онъ сразу потерялъ всю свою, въ то время большую и широкую, популярность. Всюду его въ газетахъ и журналахъ проклинали и распинали, словно предателя, за оскорбленіе величества Писарева.

Тутъ Чеховъ, самъ на себѣ испытавшій всю горечь долгаго пренебреженія критикой, третировавшей его какъ безпринципнаго писателя-балагура (это Чеховъ-то безпринципенъ, Чеховъ балагуръ!), принялъ чужую обиду, какъ свою собственную, и горячо порицалъ всѣхъ порицателей Иванова, такъ грубо и жестоко оскорбившихъ его только за то, что онъ позволилъ себѣ сказать о признанномъ авторитетѣ свое — вѣрное ли, невѣрное, умное ли, глупое, — но свое собственное слово.

Только онъ, только такой писатель, какъ Чеховъ, никогда не искавшій себѣ ни въ комъ популярности, всегда ходившій по своей дорогѣ, могъ такъ горячо почувствовать чужую обиду, — и забыть при этомъ всѣ свои личныя недоразумѣнія съ этимъ потерпѣвшимъ за свою искренность человѣкомъ.

В. Ермиловъ.